

За рубрикой — 1994. — 13-19 мая (№19) — с. 15.

Изабелла Росселлини — знаменитая дочь знаменитых родителей

Саша РЕЙНС

«Эль», ПАРИЖ.

БЛАГОДАРЯ своему успеху героиня фильма «Иное состояние» заставила нас забыть, что она дочь Ингрид Бергман. Тем не менее сходство матери и дочери становится все более заметным.

— В новом фильме Питера Вейра ваша работа удостоилась лестных похвал критиков. Вы сыграли женщину, с болью замечающую, как муж все дальше отдаляется от нее. То была трудная роль?

— Была единственной трудностью — любой ценой избежать стереотипа, связанного с этим образом в кино, этаного символа долга, рутины и скуки.

— Мешал ли вашей карьере в кино ваш собственный образ манекенщицы?

— Совсем наоборот. Я долго работала манекенщицей в США, и то обстоятельство, что мое лицо было всем здесь знакомо, позволило мне войти в закрытое общество, куда обычно не допускаются актеры-иностранцы. И все это благодаря фирме «Ланком», благодаря ее рекламе.

— До того как стать актрисой и манекенщицей, вы были журналисткой?

— Да, работала в Нью-Йорке, готовя репортажи для итальянского телевидения. Эта профессия казалась мне просто фантастической, но через какое-то время возникли трудности. За вечерним чаем родители часто жаловались на журналистов, которые в интервью задавали им нескромные, а иногда и просто идиотские вопросы. А я сама была в точно таком же положении, только по другую сторону баррикады — мой редактор требовал от меня нескромных вопросов, обращенных к знаменитостям. Это была настоящая пытка.

— Видя вас, люди постоянно вспоминают ваших родителей Роберто Росселлини и Ингрид Бергман. Не раздражает?

— Нет,нисколько, ведь это часть моей жизни. Я сама постоянно вспоминаю картину «Голубой бархат» и фирму «Ланком». (По условиям контракта Изабелла расстанется со знаменитой косметической фирмой в 1995 году.)

— Почему, имея таких родителей, вам понадобилось столько времени, чтобы прийти в кино?

— Именно из-за родителей. Я сразу же исключила кинематограф из возможных профессий, потому что хотела освободиться от родительской опеки. Я была очень независимой. В кино пришла лишь тогда, когда с помощью моды и журналистики доказала, что и сама могу добиться успеха. Только тогда я окончательно успокоилась.

— Как получилось, что вы ни разу не снимались в фильмах известного режиссера Мартина Скорсезе, хотя были его женой?

— Не знаю, мы сами часто задаем себе этот вопрос. Он снимает серьезные фильмы об американцах итальянского происхождения. У меня итальянский акцент, но совсем не такой, с каким говорят в Бронксе. И потом, он был членом нашей семьи. Я же никогда не работала ни с отцом, ни с матерью. Когда люди слишком хорошо знают друг друга, возникают большие сложности.

— Почему вы расстались?

— Мартин желал, чтобы я была

Мать и дочь.

Фото «Эль», Париж.

— Вы родились в Италии, росли в Париже, почему же местом обитания сегодня избрали Нью-Йорк?

— Потому что именно здесь сложилась моя судьба. Здесь я начала свою карьеру в журналистике, вышла замуж за Мартина, здесь родилась моя дочка. Раз в месяц езжу в Лос-Анджелес или в Париж, но живу здесь уже 22 года, и именно здесь мой дом. Я люблю Нью-Йорк и считаю его городом культурных контрастов, хотя в то же самое время не забываю, что это как бы город «третьего мира». Своими бездомными бродягами, умирающими от СПИДа, он напоминает мне Калькутту.

— Вашей дочери 10 лет. Объяснили ли вы ей нищету и связанные с ней трагедии?

— Все это ставит перед обществом жуткие проблемы, проблемы совести и морали. Как-то вечером мы сидели с дочкой дома. На улице было очень холодно. За окном мы видели нищего, устраивающегося на ночлег в своих картонных коробках. На следующее утро по дороге в школу мы с дочкой видели этого человека, он все еще был там, но уже не шевелился. Я не знала, что делать. Морально было очень тяжело, потому что я просто не знала, что сказать дочери.

— Последний ваш фильм «Без страха» посвящен проблеме смерти. Вы боитесь смерти?

— Я уже сталкивалась со смертью. Мои родители умерли, к тому же в известном мне мире моды и кино повсюду свирепствует СПИД. Мне кажется, я смогу быть неплохой сиделкой для умирающего больного. Хотя это очень трагично, но все же в смерти есть нечто таинственное и чудесное. Вы видите людей такими, какие они есть на самом деле, вы видите их душу.

— Чего вы больше всего боитесь?

— Остаться без работы.

— Значение, которое вы придаете работе, не вступает ли в противоречие с вашей личной жизнью?

— О да, разумеется. В моей жизни теперь нет мужчин. И это вовсе не мой выбор, это рок.

домохозяйкой, а я хотела работать. Видимо, это сыграло немаловажную роль. Но все обошлось без драм, мы продолжаем видеться.

— В качестве реванша вы, вероятно, снялись у Дэвида Линча.

— Да, но тут все-таки есть некоторое отличие: с ним мы никогда не были женаты. Наша первая встреча носила чисто профессиональный характер, он пригласил меня сниматься в его фильме «Голубой бархат». Уже после этого мы стали любовниками.

— Художественное восприятие жизни вашими близкими друзьями можно назвать диаметрально противоположным, Мартин Скорсезе — приверженец традиционализма, тогда как Дэвида Линча можно в какой-то мере считать ниспровергателем традиции. Жизнь рядом с одним, наверное, сильно отличалась от жизни с другим?

— Они действительно разные люди, но их сближает оригинальность мироощущения. Впрочем, в жизни они оба — полная противоположность тому, что снимают. Мартин — самый эксцентричный человек из всех, кого я когда-либо знала, он самый настоящий провокатор, для которого не существует никаких табу. Дэвид, напротив, само спокойствие и приветливость. В своих фильмах он выплескивает фантазии, которые не смеет выразить в жизни. Потому что на самом деле в нем нет ничего поочного.